

ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Формирование историко-
антропологического направления в
зарубежной русистике

Книга: Историческая антропология

Лекция: Формирование историко-антропологического направления в зарубежной русистике

Автор лекции: Алия Масалимова

Цель: знакомство с зарубежными историко-антропологическими исследованиями российской истории.

В социально-гуманитарных науках существует исследовательская традиция изучения той или иной страны, ее истории, философии, культуры учеными, не являющимися ее представителями. К примеру, известная американско-канадский историк Натали Земон Дэвис внесла значительный вклад в изучение культуры Нового времени Западной Европы, гендерную историю, микроисторию. Роберт Дарнтон - американский историк, специалист по истории печати и книжной культуры Европы, и, в первую очередь, Франции. Питер Бёрк - британский историк культуры, медиевист. Эксперт по истории культуры нового и новейшего времени, Итальянского Возрождения и т.д.

Русистика как научная дисциплина зародилась в США в 20-е годы прошлого века и представляла собой комплекс наук о русском языке, русской культуре, русской литературе, русском народе, русской истории. Ведущими центрами русистики в США сразу стали Гарвард и Калифорнийский университет в Беркли. В период Второй мировой войны русистика в США интенсивно развивалась, а с усилением так называемой «холодной войны» интерес к России в США только возрос, в результате чего США стали одним из ведущих мировых центров русистики.

Формирование в 80-е годы исторической антропологии на русском материале также связано с США. В появлении нового подхода к изучению российской истории сыграла роль статья профессора Гарвардского университета Эдварда Кинана, опубликованная в 1986 г. в журнале “Русское обозрение”. “Традиционные пути московской политики” - так называлась статья, которая сразу же вызвала бурную полемику в научной среде.

Главный тезис американского историка касался континуитета, т.е. преемственности политической культуры со времен Московской Руси и вплоть до советского режима. Континуитет (в буквальном переводе слово означает «продолжительность», в смысле продолжение), в словаре дается следующее определение: это термин, обозначающий теорию и практику в международном праве о непрерывности государства как субъекта международного права и непрерывности международных государственных обязательств.

Основная мысль автора статьи Э. Кинана в свете его теории о континуитете: и генеральный секретарь ЦК, и Политбюро оказываются “законными наследниками”, «продолжателями» московских царей и их бояр.

В этом контексте большее внимание привлекает термин “политическая культура”, поскольку употребление термина “культура” при анализе властных отношений - явный признак антропологического подхода, и понятие “культура” в нем играет ключевую роль.

Автор полемической статьи дает такое определение политической культуре: “комплекс верований, практик и ожиданий, который – в умах русских – придавал порядок и значение политической жизни и... позволял его носителям создавать как основополагающие модели их политического поведения, так и формы и символы, в которых оно выражалось”. Другими словами, Эдвард Кинан поставил своей задачей описать “фундаментальные черты русской политической культуры” и проследить ее развитие на протяжении пяти столетий – с середины XV до 50 – 60-х годов XX века.

По мнению многочисленных критиков и экспертов, многие выводы Кинана в эссе, например, о том, что самодержавие являлось лишь мифом, скрывавшим суть политической системы, которая на самом деле представляла собой олигархию, причем цари находились в зависимости от боярских кланов, и т.п., недостаточно обоснованы и поэтому широко обсуждались на страницах того же журнала.

По оценке автора российского учебника об исторической антропологии Михаила Крома, ценность эссе “Традиционные пути московской политики” заключается не в конкретных утверждениях автора, большинство из которых действительно можно оспорить, а в предложенном им оригинальном подходе к анализу политической системы Московии. Вместо традиционного институционального подхода, т.е. истории учреждений (Боярской думы, приказов и т.д.), Кинан демонстрирует антропологический подход, при котором основное внимание сосредоточено на личных и родственных отношениях внутри правящей элиты.

Кром подтверждает, что исследователь затрагивает действительно важную проблему, когда подчеркивает “неформальный” характер московской политической системы. Не существовало необходимой связи между реальной властью того или иного лица и административной должностью или функцией. Степень влияния определялась близостью к «телу» царя – отсюда значение родства с правящей династией и государевых свадеб для придворной элиты.

“Политика в Московии была политикой статуса, а не функции, – резюмирует Кинан, – и была, следовательно, игрой, разыгрываемой исключительно великими родами, которые формировали двор

великого князя”.

По собственному признанию Э. Кинана, делая подобные выводы, он и не стремился к доказательности выдвигаемых им положений. Опубликованная статья явилась больше некой “интеллектуальной провокацией”, призванной стимулировать дальнейший научный поиск. И надо признать, что это Кинану удалось.

Тому свидетельством может служить не только полемика на страницах журнала “Русское обозрение” в 1987 г., но и опубликованная в том же году монография его ученицы Нанси Шилдс Коллман под названием: “Родство и политика: Формирование московской политической системы, 1345 – 1547 гг.”, в которой получают развитие многие положения концепции гарвардского профессора.

По словам Н. Ш. Коллман, свое исследование она называет “антропологическим анализом политики”, поскольку оно “фокусирует внимание на отношениях между индивидами и группировками, а не на классах или политических институтах”. Во введении к книге Коллман обозначает свой подход в духе М. Вебера как “патримониальный”. Своими прародителями в этом направлении она называет Александра Евгеньевича Преснякова, Степан Борисовича Веселовского и Эдварда Кинана.

В интерпретации Нанси Коллман в основе этого подхода лежит гипотеза о том, что политические отношения в средневековых обществах, включая Московию, не имели формализации и не были институционализированы. Все определялось традицией и все коммуникации строились на личных связях – родстве, дружбе, зависимости.

Подход Н.Ш. Коллман был противопоставлением “рационалистическому” подходу, характерного большинству российских историков XIX – XX вв. Как правило, московская политическая жизнь изображалась в виде отношений абстрактных общностей – государства и сословий, а именно аристократии и дворянства, причем эти отношения проявлялись как антагонистические.

В противоположность своим оппонентам американская исследовательница, следуя за Э. Кинаном, отстаивает в своей книге другой взгляд, утверждая, что политический строй Московии характеризовался не столько конфликтностью, сколько внутренней сплоченностью и целостностью.

Безусловно, на автора монографии обрушился шквал критики, хотя некоторые наблюдения автора, например, о наследственном, а не о выслуженном характере боярского чина до середины XVI в., бесспорно, заслуживает внимания. Вместе с тем выводы Коллман не учитывают динамический характер исторических событий и больше ориентированы на статические фигуры. Это прослеживается в том, что сама автор не видит разницы между весьма архаическим и простым устройством Московского княжества XIV в. и Российским государством XVI в. Разумеется, это ведет, по словам многочисленных критиков, к недооценке роли дьячества в управлении страной. «Трудно согласиться и с повторяемым ею вслед за Кинаном тезисом о “фасаде самодержавия”, за которым великие князья вынуждены были делить власть с боярами».

Оценивая книгу Коллман в целом, нужно подчеркнуть, пишет российский историк Михаил Кром, что она явилась первой монографией по политической антропологии Московской Руси. Акцент на личных, неформальных отношениях внутри правящей элиты - системе родства, патронате и клиентеле - представляется вполне оправданным для той эпохи, т.е. до середины XVI в., когда государственные учреждения еще только зарождались. Что касается слабых мест предложенной концепции - статичность, некоторый схематизм и т.п., то они объясняются несоблюдением некоторых принципов самого антропологического подхода как такового.

Кром, комментируя суть применяемого антропологического анализа политики, говорит о том, что требуется уменьшение масштаба исследования – в духе микроистории, которая завоевала широкую популярность среди исследователей как раз в 80-е годы. Более того, период, избранный Н.Ш.Коллман для изучения (1345 – 1547), с этой точки зрения слишком велик и принудительно соединяет разные эпохи. Кроме того, историческая антропология проявляет особое внимание к категориям и понятиям изучаемой культуры, в то время как в изображении Кинана и Коллман общество допетровской Руси выглядит чересчур светским и политизированным.

По мере того, как антропологический подход завоевывал все большее признание среди американских историков России, их работы всё больше соответствовали отмеченным выше характерным признакам данного направления. В этой связи, прежде всего, следует упомянуть исследование Валери Кивельсон, которое можно считать удачным опытом применения методов политической антропологии к истории России XVII в.

Книга “Самодержавие в провинциях: Московское дворянство и политическая культура в XVII веке”

Книга: Историческая антропология

Лекция: Формирование историко-антропологического направления в зарубежной русистике

Автор лекции: Алия Масалимова

(1996), по замыслу В. Кивельсон, представляло собой региональное исследование. В центре внимания автора находятся судьбы провинциального дворянства пяти городов Центральной России - Владимира, Суздаля, Шуи, Луха и Юрьева Польского- временный отрезок охватывал период начиная от Смуты вплоть до петровских реформ.

«Ограничение масштаба исследования рамками одного региона не мешает историку ставить в своей работе ключевые проблемы, имеющие существенное значение для понимания развития всей страны в XVII в.» - комментирует М. Кром. Валери Кивельсон считает так: «для того чтобы понять московскую политическую систему как единое целое, необходимо перенести внимание со столицы на провинцию и посмотреть, как самодержавие действовало за пределами Москвы. «Через изучение уездного дворянства и его взаимодействия с государством», - В. Кивельсон надеется найти ответ на вопрос, как царская власть при постоянной нехватке управленческих кадров справлялась с управлением огромной территорией? Это было возможно только при участии местного служилого люда».

В начальных главах книги Валери Кивельсон рассматриваются различные аспекты жизни владимиросуздалского дворянства: служба, землевладение, семейно-родственные связи. На основе обширного архивного материала прослеживается история ряда местных служилых родов Обуховых, Козловых и др. на протяжении шести-семи поколений, с конца XVI до конца XVII в., и автор приходит к важному выводу о привязанности провинциального дворянства к родным местам.

Локальным и частным характером отличались заботы и интересы людей: материальное благосостояние семьи, проблемы, как удачно выдать дочерей замуж, приобретение земли, укрепление личного и семейного статуса в местном обществе. Причем, как отмечает историк, в тех случаях, когда законы ограничивали права родителей позаботиться о будущем своей дочери или умирающего, обеспечение вдовы и сирот, то отцы и мужья – дворяне - просто игнорировали закон. А местный воевода и его аппарат одобряли и регистрировали любые сделки в пользу заинтересованных лиц, в том числе противоречившие закону.

Иными словами, самодержавие прекрасно функционировало в провинциях в значительной мере потому – делает вывод исследовательница – что оно сумело предоставить местной дворянской элите сферу автономной деятельности. С другой стороны, сосредоточение основных интересов служилых людей в тесных локальных рамках делало их по большей части индифферентными к политике общероссийского масштаба.

Американский историк наглядно показывает, почему на местах не могло возникнуть какой-либо дворянской оппозиции центральной власти. “Сотрудничество” администрации с верхушкой уездного общества было выгодно обеим сторонам. Присылаемый из Москвы воевода даже если не имел родственников во вверенном его попечению уезде, то вскоре обзаводился там полезными связями. Если при этом учитывать, что по меньшей мере четверть от общего числа воевод, сменившихся между 1609 и 1700 гг. в изученном Кивельсон регионе, их все-таки имела. Так как в противном случае он не смог бы управлять своим обширным хозяйством при крайне малочисленном штате, находившемся в его распоряжении. С другой стороны, получение государственной должности открывало для местных чиновников, возможности обогащения на уровне старост или повышения престижа на уровне окладчиков, выборного дворянина.

В рамках подхода В. Кивельсона объясняются такие черты московской политической системы, наблюдаемые до сих пор и у современников, как протекционизм, взяточничество, кумовство. Согласно точке зрения исследователя, личные, неформальные связи в политике компенсировали многочисленные изъяны еще во многом “недоцентрализованного” государства. При этом привычные связи характеризовались особой формой адаптации общества к зарождающемуся явлению как бюрократия, идущей на смену патриархально-вотчинного режима.

Как это происходило, мы примерно можем представить. Сын провинциального боярина, приезжая в город или столицу, первым делом искал влиятельного покровителя и обращался со своими вопросами и проблемами именно в то место, где служил его родственник, земляк или хороший знакомый. Либо в ситуации судебных тяжб, обвинения противников, апеллировали к запрещенным законом мотивам, говоря, что тот или иной человек действовал “по дружбе” или “недружбе”, по родству либо другими какими-либо способами.

Описываемый двойной стандарт отражал противоречия, свойственные политической культуре переходной эпохи. С одной стороны, осознавались требования соблюдения законности, нелицеприятного правосудия, но в то же время власть и управление по-старому оперировали категориями неформальных отношений: милости, заступничества, покровительства.

Книга: Историческая антропология

Лекция: Формирование историко-антропологического направления в зарубежной русистике

Автор лекции: Алия Масалимова

Книгу Кивельсона “Самодержавие в провинциях” многие исследователи считали показательным образцом историко-антропологического исследования, проводимого на материале допетровской Руси. К тому же автор применяет масштаб, позволяющий, подобно увеличительному стеклу, рассмотреть повседневность «провинциальной жизни Московии, управленческую рутину в столице и на окраинах.

Сравнивая монографию Кивельсона с аналогичными работами по истории Европы начала нового времени, например, с Ш. Кеттерингом, В. Бейка, М. Кишланским и др., выявляется схожесть исследовательских подходов, характер анализируемых документов: судебные дела, служебная и личная переписка и т.д. В целом в американской русистике ее книга написана в русле ранних работ Кинана и Коллман.

Сравнение работ упомянутых авторов, сторонников антропологического подхода, изучавших русское средневековье, демонстрирует различия в оценках и выводах. Так, например, Н. Ш. Коллман считала Московию типично средневековым государством, не похожим на европейские монархии начала нового времени. Управление Россией в XVI в. напоминает ей Франкское государство эпохи Каролингов. И в XVII в., по мнению Коллман, московский политический строй в принципе не изменился.

Кивельсон же ставит Московию XVII в. в один ряд с современными ей западноевропейскими государствами, хотя и отмечает важные особенности, отличавшие русскую политическую культуру от французской или английской.

По оценке Михаила Крома: «Обе исследовательницы не вступают в полемику друг с другом, но различия в понимании ими московской политической системы налицо: Н.Ш. Коллман делает акцент на архаичности и инертности этого “патримониального”, по ее словам, строя, а В. Кивельсон подчеркивает его эволюцию в XVI – XVII вв., переплетение в нем старого и нового накануне петровских реформ». Второй подход, как пишет М. Кром, кажется более соответствующим исторической действительности.

В настоящее время историко-антропологическое направление получило большое распространение в американской русистике, продолжает свою мысль Михаил Кром. Круг проблем, изучаемых под этим углом зрения, весьма широк: символика власти, религиозные и светские церемонии и ритуалы, народные верования, социокультурные нормы и ценности и т.д.

В начале нового времени в Европе традиционной темой исторической антропологии было колдовство и ведовские процессы. Применительно к России того же периода эти сюжеты интересовали и Валери Кивельсон. В процессе работы на материалах архивов 1650-х годов, исследовательница пыталась выяснить условия и причины “охоты на ведьм” в России середины XVII в.

Это было время, когда и в Московии наблюдались многие сходные с Европой процессы: рост государственного и церковного аппарата, усиление социального контроля и т.п. Отличие России от западных стран, заключалось в том, что обвинения в колдовстве чаще предъявлялись мужчинам, чем женщинам. Чем же объяснялась такая ситуация? Интересно было то, что, как правило, жертвами, обвинений в колдовстве или магии становились по большей части бродяги, социальные отщепенцы, а они преимущественно в своем большинстве являлись представителями сильной половины человечества, т.е. мужчинами. Женщины больше всего имели привязанность к дому, к семье. Тем самым социальная маргинальность и привычные стереотипы и непосредственно образ колдуна, по мнению американского историка, служил определяющим фактором, во всех обвинениях, касающихся колдовства.

Отдельный цикл своих работ Нанси Коллман посвятила понятию «честь» в допетровской Руси, результаты этого исследования ею обобщены в опубликованной монографии: “Связанные честью: государство и общество в России начала нового времени”. Источниковедческую базу исследования составили законодательные акты, архивные и опубликованные документы, описывающие более 600 судебных тяжб по делам об оскорблении чести. Хронологические рамки работы – от 1560-х годов до начала XVIII века.

По оценке исследователей, постановка проблемы, привлекаемый сравнительно-исторический материал Н.Ш. Коллман свидетельствуют о бесспорном влиянии антропологической литературы на авторскую концепцию. Коллман подчеркивает наличие большого сходства в представлении и интерпретации понятий о чести и стыде как в Московии, так и в обществах Средиземноморья. Поэтому, по ее мнению, работы этнологов весьма полезны для историка, исследующего аналогичные сюжеты из российской истории.

Традиционно сами российские исследователи рассматривали законодательные нормы о защите чести, прежде всего, с точки зрения общественной иерархии, отразившейся в этих статьях. Н.Ш. Коллман акцентирует внимание на другую сторону проблемы. В сфере ее интересов, прежде всего, социальный состав тех, кто получал возмещение за бесчестье, к слову, среди них были выходцы из всех слоев населения, а также то, что считалось бесчестьем. Такая постановка вопроса требовала выяснения, что вкладывали

Книга: Историческая антропология

Лекция: Формирование историко-антропологического направления в зарубежной русистике

Автор лекции: Алия Масалимова

жители Московии в понятие честь, т.е. каковы были основные социокультурные нормы.

Хорошая репутация предполагала, в первую очередь, законопослушное поведение и, соответственно, называть кого-либо вором, разбойником или тем более изменником означало нанести тяжкое оскорбление. Законопослушное поведение включало и соблюдение моральных норм, наряду с надлежащим сексуальным поведением, а также благочестие. Понятие «честь» ассоциировалось также с определенным социальным статусом, унижение которого выражениями подобно “худой князюшка”, “детушки боярские”, “мужичий сын” являлось сильным оскорблением и могло повлечь за собой подачу иска за оскорбление чести и достоинства.

Вообще, понятия «чести» и «бесчестья» применялись и в сфере власти и управления. Это могло проявиться в таких ситуациях, например, ошибка в написании царского титула расценивалось как ущерб чести самого государя. Неповиновение должностному лицу или же, напротив, злоупотребление своим служебным (должностным) положением также рассматривалось как проявление бесчестья. В случае если человек, пострадал от произвола воеводы или еще кого-либо, то имел право требовать возмещения морального и материального вреда.

Таким образом, делает вывод Н.Ш.Коллман: “защита чести создавала нормы и установления, которые связывали людей с обществом...”, укрепляли социальную иерархию и политический строй. Представления о чести были также “социальным кодом, способствовавшим общественному конформизму и порядку”. Этот вывод, по мнению российского ученого М. Крома, свидетельствует о сильном влиянии этнологии на концепцию американского историка.

В целом мы должны отметить, развитие зарубежной этнологической науки, расширение горизонта исследований о русской истории, культуре только обогатили русистику как одно из направлений исторической антропологии и в целом повлияли на процесс формирования исторической антропологии как научной дисциплины.

Основные термины

Русистика, континуитет, антропологический анализ политики, «честь» и «бесчестье».

Дополнительные ресурсы по теме лекции

1. Edward Keenan. Russian political folkways // Russian Review, Vol. 45, No. 2 (Apr., 1986), pp. 115-181
2. Александров Д.А. Историческая антропология науки в России // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 4. С. 3-4.
3. Афанасьев Ю.Н. Как России заново обрести свою историю // Россия. XX век. - М., 1995.
4. Баланье Ж. Политическая антропология. -М., 2001.
5. Антропологическая история: подходы и проблемы. Материалы российско-французского научного семинара. Ч. II. - М., 2000.
6. Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т.- М.: ОГИ, 2002.